

Йефте, самой милой собаке на свете
2001–2012

Всё случилось у меня на глазах.

Папин красный свитер и мой полосатый были вместо ворот. Солнце светило мне на руки, а ветер с моря пытался гонять мяч вместе с нами. Я носился как ненормальный, пока уже больше не смог дышать и не остановился, совсем захавшись.

Вдалеке я увидел Йорре. Он ничего не делал. Просто бродил по пустому пляжу и пялился в небо. На ярко-белые облака, которые плыли над островом. Как будто ему было целых сорок лет, а не двенадцать.

— Самуэль! — крикнул мне папа. — Давай не зевай! Матч в разгаре!

— Сейча-ас! — крикнул я ему в ответ, но остался на месте.

Я чувствовал, как песчинки карабкаются наверх у меня между пальцами на ногах. Я был как песочные часы наоборот. Стоило пошевелить пальцами, и у меня будет ещё пара минут.

— Самуэль! — опять закричал папа.

Я ещё раз глянул на Йорре, и в этот момент всё и произошло. Он шагнул туда, где должен был быть песок, но там оказался воздух. Йорре взмахнул руками и свалился в огромную яму.

Это было ужасно круто, как в кино.

По крайней мере, пока мой брат не начал орать. Мой рот уже начал было хохотать, но я тут же его закрыл.

Ветер свистел, волны грохотали, но крик Йорре заглушал всё на свете. Меня до костей пробрало холодом. Будто кричал не мальчишка, а какой-то зверь.

Мы с папой одновременно помчались к нему. Изо всех сил, быстро, как только могли, мы бежали по вязкому песку. Йорре не было видно, как будто земля его вдруг проглотила.

— Йор! — кричал я.

— Мы сейчас! — кричал папа.

И тут мы оказались на краю ямы. Мой брат лежал на дне и держался за ногу. На лице гри-

маса, чёлка на глазах. И всё, из-за чего я в последнее время считал его полным придурком, вдруг исчезло.

Он увидел нас и тут же перестал орать. Он посмотрел на папу, с трудом перевёл дыхание и сказал:

— У меня там хрустнуло. Когда я упал. Я слышал «хрусть»!

Меня вдруг стала бить дрожь. Было начало мая. Слишком холодно, чтобы стоять на ветру в футболке.

Папа спустился вниз. Когда он выпрямился, песок оказался ему примерно по пояс. До сих пор я только однажды видел такую глубокую яму в земле. Это было три недели назад, я ещё очень хорошо всё помнил. Всем ребятам из моего класса разрешили бросать в эту яму розовые лепестки. Горстями. Я боялся, что когда до меня дойдёт очередь, лепестки закончатся. Но, оказалось, там была ещё целая корзинка. И мне первому разрешили взять лепестки из неё.

Папа опустил перед Йорре на колени и закатал штанину у него на брюках.

— Осторожно! — закричал я.

Мой брат даже не пикнул.

— Ему же больно! — заорал я.

Подойти ближе к краю ямы я боялся. Вдруг она обвалится.

Папа развязал шнурки на ботинках Йорре, а мой брат сжался калачиком. Но не проронил ни звука.

— Дай мне телефон! — крикнул я папе. — Я позвоню в «сто двенадцать». Пусть пришлют на пляж «скорую».

— Прекрати, — сказал папа.

— Но ему же больно! Ты что, не видишь? Он ничего не говорит, но ты же понимаешь, что ему срочно надо в больницу!

Папа кивнул:

— Мы пойдём к доктору.

— Но он не может идти.

— Я донесу его по пляжу до машины, а там мы доедем до деревни.

— Ты что, с ума сошёл? — закричал я. — А если ты споткнёшься с ним на руках? Тогда у него будет смещение костей и он вообще никогда в жизни не сможет ходить! И никогда ни на ком не женится...

— Заткнись уже! — вдруг сказал Йорре.

Он смахнул с лица чёлку и посмотрел прямо на меня. И опять превратился в другого Йорре. Того самого. Полного придурка.

— Мне и так больно, а тут ещё ты ноешь. Детский сад!

Я отступил на шаг назад.

Не отрываясь, я смотрел, как папа осторожно взял его под мышки и поднял на руки. Лицо

у Йорре было совсем бледное, я заметил, что он сжал зубы. Но он ничего не говорил, и я понял, что и мне лучше помолчать.

Мне нельзя было кричать вместо него. Нельзя было вызывать «скорую». Он был на два года старше меня, и в тот момент, когда я родился, я уже опоздал. Это был огромный фальстарт, и никто не сказал: а давайте-ка начнём ещё раз сначала.

Я присел на корточки, поднял с песка пару белых ракушек и одну за другой бросил их в яму. Последняя угодила Йорре прямо в голову.

2

Пока папа вытаскивал Йорре из ямы, я помчался за нашими свитерами. Папа усадил его к себе на спину и потащил через пляж. При каждом шаге папа кряхтел, а мой брат стонал. Вместе они были как престарелый динозавр.

Мне разрешили сесть на переднее сиденье, потому что Йорре нужно было уложить сзади. Мы приехали на остров Тессел* вчера поздно вечером и сами ещё не поняли, где оказались. Наш зелёный домик был далеко в дюнах. Но

* *Тессел* (Тексел) — остров в Нидерландах и излюбленное место отпуска голландцев. — *Здесь и далее примеч. пер.*

доктор, конечно, жил в деревне. Там мы долго петляли вдоль магазинов с разноцветными пляжными ведёрками и надувными дельфинами. Потом ещё проехали мимо битком набитых уличных кафе, тележек с тающим мороженым и весело развевающихся флажков...

Время от времени я оборачивался, чтобы посмотреть на брата. Я смотрел на его ногу и пытался представить себе, что он чувствует. Что происходит там, у него внутри, в мышцах и пульсирующей крови.

— Как думаешь? — спросил я. — Это самая сильная боль из всех, что у тебя была?

— Если у тебя в голове вечно такие дурацкие мысли, — сказал Йорре, — это ещё не значит, что и мы все об этом думаем.

В самом конце деревни мы нашли доктора. Он жил в низком сером здании, совсем не похожем на курортный домик. Папа оставил нас сидеть в машине, а сам помчался туда. Я посмотрел на часы. Через три минуты и сорок секунд он выскочил на улицу с инвалидным креслом.

— Ну, скажу я вам, — выговорил он, тяжело дыша. — Медсестра у этого доктора — сущая ведьма. Чуть не откусила мне нос, когда я сказал ей, что мы не записывались по телефону. Теперь нам придётся ждать, когда доктор освободится.

— Но у Йорре ужасная боль! — закричал я. — Мы же не можем сидеть дома и ждать приёма по записи.

Папа пожал плечами:

— Эта женщина привыкла к тому, что тут у всех ужасная боль. Если ты не умираешь, должен записаться.

Он помог Йорре выбраться из машины и усадил его в кресло.

— Можно я его повезу? — тут же спросил я.

Папа замешкался.

— Я очень осторожно, — пообещал я. — Честное слово. И я знаю, что это не тележка в супермаркете.

Йорре хмыкнул. Не очень громко, потому что ему было больно.

— Хм, — сказал папа и посмотрел по очереди на меня и на моего брата. — Хорошо, что мама никогда мне не рассказывала, что вы гоняете на тележках в супермаркете. — Он отступил на шаг назад. — Ну ладно. Только не быстро!

Взести кресло ровно было очень трудно, но я почти ни во что не врезался. А строгая медсестра даже не обратила внимания на то, что именно я его вёз. У неё были короткие светлые волосы, а губы накрашены ярко-красной помадой. И она всё время махала руками, как регулировщик на улице.

— Вам туда! И осторожней с наличниками, их только покрасили!

В большой приёмной было полно людей, и на первый взгляд все они были очень здоровые. На них были шорты и шлёпанцы с цветочками. Я припарковал Йорре у стола с легио, а сам сел рядом с папой на жёсткий диван. На стене напротив нас висело семь фотографий с семью разными видами трав, растущих в дюнах. Пахло пластырями.

Я попытался незаметно рассматривать других людей, потому что мне хотелось знать, что с ними случилось. Почему они сидели в приёмной у доктора, когда на улице светило солнце? Снаружи по ним ничего не было видно. Но они всё равно тут сидели.

Мне совсем этого не хотелось, но я опять начал думать про папу Беллы. Когда он осенью пришёл помогать на спортивном празднике, по нему ничего не было видно. И всё равно он тогда уже был сильно болен.

Я поёрзал туда-сюда и стал ждать.

А потом я опять ждал. И ещё ждал.

— Папа, — спросил я шёпотом. — Как ты думаешь, последний динозавр знал о том, что он последний?

— Ты про что? — тихо переспросил папа.

— Ну, когда последний динозавр умирал, — сказал я, — он понимал, что они все вымирают? Он знал, что после него никого уже не будет?

Йорре рассматривал травы на фотографиях и делал вид, что он нас не знает.

— Я надеюсь, что он это понимал, — продолжил я. — Потому что, если он знал, что он последний, ему было не так страшно умирать. Ведь ему бы пришлось жить в полном одиночестве...

Папа кивнул:

— Да, конечно, так и есть.

Может, он слышал, что я сказал. А может, и нет. Папа отлично это умел: отвечать, не слыша вопроса и не раздумывая. Он был отличным папороботом.

— Йор? — позвал я. — Как думаешь, динозавр мог бы подружиться с другими животными? Например, вот мог бы он разговаривать с...

— Да замолчи ты наконец! — сказал Йорре очень громко.

— Но я думал...

— Мне больно, ты что, не понимаешь? Эта дурацкая нога испортила мне все каникулы! — Он фыркнул. — Уму непостижимо. Как будто половина тебя — заумный профессор, а вторая половина — пятилетняя девочка. Не хочу я говорить про одинокого динозавра, который ходит пить чай к ёжику!

Какой-то мужчина с зарослями волос на ногах хихикнул, а я уставился в пол. Конечно, нас слышала вся приёмная.

— Я посижу в машине, — пробормотал я.

Это была полная ерунда — то, что Йорре сказал про профессора. Чтобы стать профессором, надо сначала закончить школу, а потом ещё много лет ходить в университет. А я был ещё в третьем классе. Я уже объяснял это Йорре на прошлой неделе, но ему как будто было всё равно. Он продолжал твердить эту ерунду.

Я поднялся и взял у папы ключи от машины.

— Только никуда не уезжай, — сказал он очень весело.

Я кивнул и вышел на улицу, под яркое солнце.